

Там, где заканчивается детство,
начинается тьма.

КРОВАВЫЙ ПУТЬ

МАЛЬЧИКА С СЕРАФИМА

*«Шедевр мрачного фэнтези»
— Литературный Вестник*

РОМАН ЧЕРНЫХ

Издательство «НОЧНОЙ СТРАЖ»

**Матвей Куренков
Николай Глазов
Кровавый путь
мальчика с Серафима**

<https://litres.ru/74536242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если путь в Рай лежит через кровь? Серафим, устав от церковных правил и насмешек сверстников, находит книгу, которая зовёт его в путь. Но друзья оказываются демонами, а боль — единственным ключом. Сможет ли он найти третий ключ и понять, что настоящий рай — не после смерти, а здесь и сейчас?

Это история о взрослении, выборе и спасении, которое всегда рядом. Для поклонников мистики и психологической прозы.

Матвей Куренков, Николай Глазов Кровавый путь мальчика с Серафима

Повесть

Кровавый путь Серафима

Автор: Глазов Николай Александрович, Иван Дмитриевич Мешалов

Аннотация

«Кровавый путь Серафима» — мистическая повесть о четырнадцатилетнем мальчике, чья жизнь раскололась после встречи с древней книгой, обещающей путь в Рай через кровь. Устав от религиозного фанатизма матери, насмешек сверстников и собственного одиночества, Серафим оказывается втянут в жуткую игру, где демоны принимают облик друзей, боль становится пропуском в «рай», а третий ключ скрыт в самом сердце. Ему предстоит пройти через предательство, страх и тьму, чтобы понять: настоящий рай — не там, не после смерти, а здесь и сейчас, в любви, дружбе и

умении прощать.

Это книга о взрослении, о борьбе света и тьмы, о том, что даже на дне у человека есть выбор. И о том, что самые страшные демоны порой живут внутри нас, а спасение всегда рядом — стоит лишь протянуть руку.

Посвящается моему родному младшему братишке Ване.

Глава 1. Тот, кто носит имя Ангела

Московский ноябрь вступал в свои права, не спрашивая разрешения. Город тонул в серой хмари, больше похожей на вату, пропитанную мазутом. Фонари загорались рано, но их желтый свет не столько разгонял тьму, сколько делал её более густой, осязаемой.

Школа № 1274, серое бетонное здание, напоминающее огромный склеп, выпустило из своих недр последнюю смену. Гомон сотен голосов, смех, крики — всё это выплеснулось на улицу и начало быстро растворяться в сумерках, растекаясь по дворам и автобусным остановкам.

Серафим стоял на крыльце, застегивая молнию на куртке. Ему было четырнадцать, но выглядел он старше — высокий, худощавый, с не по-детски серьезным, даже отстранен-

ным взглядом серых глаз. Имя ему дала мать, глубоко верующая женщина. «Серафим — значит огненный, ангельский», — говорила она. Но в школе это имя мгновенно трансформировалось в «Серафима» или, того хуже, «Серафима Петровича» — насмешливо и издевательски. Мальчик ненавидел своё имя. Оно было как клеймо, напоминание о том, что он не такой, как все. Слишком тихий, слишком странный, слишком... правильный, что ли.

— Серафим! — окликнул его звонкий голос.

Из толпы вынырнули двое. Вася — коренастый, с вечно сбитыми костяшками и добродушной ухмылкой, и Кирилл — долговязый, с наушниками на шее и вечным запахом энергетика. Они были его единственными друзьями. Скорее, не друзьями, а теми, кто терпел его странности и принимал в своей компании.

— Ты чего застыл, как памятник? — спросил Вася, хлопнув его по плечу. — Пошли на речку, а? Там лед уже встал, но у берега еще хлопает. Кирилл говорит, там что-то странное светится под водой.

Серафим поморщился. Речка, темная вода, холод... Ему хотелось домой. В тепло. К компьютеру, где мир был понятен и подчинялся алгоритмам.

— Не, пацаны, я не могу, — буркнул он, отводя взгляд.
— Мать ждет. Ужин, то да сё.

— Да ладно тебе, — протянул Кирилл, жуя жвачку. —
Забей. Позвони ей.

— Не могу, — отрезал Серафим резче, чем следовало.

Внутри у него что-то сжалось. Он знал, что если он не придет вовремя, дома будет скандал. Мать не кричала, нет. Она делала хуже — она начинала молиться. Долго, истово, со слезами, стоя на коленях перед иконами в красном углу. И это было невыносимо. Это было хуже любого ремня.

— Ну, как хочешь, — обиделся Вася. — Мы пошли. Если что, ты знаешь, где нас найти.

Они ушли, растворяясь в толпе, а Серафим остался один. Он постоял еще минуту, глядя им вслед, чувствуя себя чужим. Отщепенцем. «Огненный ангел», — пронеслось в голове. «Скорее уж ангел, который замерз и хочет спать».

Он вздохнул и побрел к машине.

Черный внедорожник стоял на парковке, мерцая аварий-

ками. За рулем сидела его мать, Елена Сергеевна. Женщина с уставшим, но красивым лицом, которое портили глубокие морщины у губ и постоянное выражение тревоги в глазах. Она смотрела вперед, не замечая, как сын подходит к машине.

Серафим открыл заднюю дверь и бросил рюкзак на сиденье. Хлопнул дверью — громче, чем нужно.

Елена Сергеевна вздрогнула.

— Господи, Серафим, — выдохнула она, осеняя себя крестным знамением. — Ты меня напугал. Я думала, ты уже не выйдешь. Я тут полчаса стою.

— Ну и стояла бы дальше, — буркнул он, пристегиваясь.

В машине пахло ладаном и мокрой шерстью. Этот запах преследовал его с детства. Запах церкви, запах бесконечных молитв, запах чужой святости.

— Как дела в школе? — спросила мать, заводя двигатель.

— Нормально.

— Что значит «нормально»? Оценки? Ты сделал матема-

тику?

— Мам, отстань, а? — Серафим закатил глаза, глядя в окно. Мимо проплывали дома, витрины, люди. Жизнь шла своим чередом, а он был заперт в этой машине, в этом коконе из религиозного бреда и материнской гиперопеки.

— Я не «отстану», — голос матери стал тверже. — Ты обещал исправить геометрию. Отец Макарий говорил, что...

— Опять этот твой Макарий! — взорвался Серафим. — Достали уже! Всю жизнь мне испортили! Почему я должен жить по каким-то дурацким правилам, которые придумали тысячу лет назад? Почему я не могу быть как все?

Машина резко затормозила на светофоре. Елена Сергеевна повернулась к сыну. В её глазах блеснули слезы.

— Серафим, — прошептала она. — Не говори так. Это страшные слова. Ты не понимаешь, что говоришь. Это грех.

— Да плевать я хотел на твой грех! — крикнул он. — Ненавижу! Ненавижу твою церковь, ненавижу свое имя, ненавижу эту машину!

Он отвернулся к окну, тяжело дыша. Сердце колотилось

где-то в горле. Он чувствовал, как пульсирует злость в висках. Он знал, что поступает плохо. Знал, что делает матери больно. Но остановиться уже не мог. Это был бунт. Пусть маленький, пусть глупый, но это было его единственное оружие.

Оставшуюся дорогу они ехали в молчании. Только дворники скрипели по стеклу, смахивая грязный снег, да радио тихо бормотало что-то о пробках. Это молчание было тяжелее любого крика. Оно давило на уши, заполняло легкие свинцом.

Когда они приехали домой, Серафим выскочил из машины первым, даже не взяв рюкзак. Он вбежал в подъезд, нажал кнопку лифта, чувствуя, как взгляд матери прожигает ему спину. «Пусть смотрит. Пусть плачет. Мне всё равно». Ему казалось, что он свободен.

Квартира встретила его тишиной и запахом пыли. Мать осталась внизу, парковаться. Серафим прошел в свою комнату и с грохотом закрыл дверь. Щелкнул замок.

Здесь, в этом маленьком мирке, он был королем. Компьютерный стол, мощный системник с подсветкой, монитор на 27 дюймов, удобное кресло. Единственное место, где он мог забыться.

Он бросил взгляд на стену. Там висел календарь с церковными праздниками и фотография какого-то святого, приклеенная скотчем. Серафим подошел и сорвал её. Скомкал и бросил в урну.

— Достали, — прошептал он.

Компьютер загружался с тихим гулом. Яркий свет монитора ударил по глазам, вырывая из темноты комнаты. Он запустил игру. Что-то про войну, про выживание, про кровь и насилие. Именно то, что нужно, чтобы выпустить пар.

Он надел наушники. Мир сузился до размеров экрана. Он стрелял, бежал, убивал виртуальных монстров, чувствуя, как реальная злость уходит, трансформируясь в азарт. Здесь, в цифровом аду, он чувствовал себя в раю. Здесь не было морали, не было греха, не было матери с её молитвами. Была только игра. Только он и его фантазия.

Время потеряло смысл. Минуты складывались в часы. За окном окончательно стемнело. Где-то на кухне гремела посуда — мать вернулась и готовила ужин. Но он не слышал. Он был далеко.

А в другой комнате, которая служила одновременно

спальной и молельней, Елена Сергеевна стояла на коленях.

Комната была маленькой, но чистой. В красном углу, у самого потолка, висели иконы — темные лики, смотрящие с вековой скорбью. Перед ними горела лампада, бросая дрожащие блики на стены. Пахло ладаном и воском.

Елена Сергеевна плакала. Тихо, беззвучно, чтобы сын не слышал. Слезы катились по щекам, падая на старый, потерянный ковер.

— Господи, — шептала она, сжимая в руках потрепанный молитвослов. — Прости его. Прости меня. Я не смогла воспитать его в вере. Я не смогла уберечь его от зла.

Она молилась об Серафиме. О его заблудшей душе. О его будущем. Она чувствовала, что с мальчиком что-то происходит. Что-то страшное. Тьма подступала к нему, и она, слабая женщина, не могла противостоять ей в одиночку.

— Пресвятая Богородица, — шептали её губы. — Вразуми его. Наставь на путь истинный. Отведи от соблазнов...

Она молилась долго. Истово. Она просила у неба чуда. Она верила, что если молиться достаточно сильно, достаточно искренне, то небо ответит.

И небо ответило.

Серафим как раз проиграл очередной раунд. Со злости он стукнул кулаком по столу. Мышь подпрыгнула, стакан с колой покачнулся, но устоял.

— Да ладно, — выдохнул он, стягивая наушники. — Читеры проклятые.

Он откинулся на спинку кресла, потирая глаза. В комнате было душно. Он встал, чтобы открыть окно. В этот момент в соседней комнате раздался странный звук.

Глухой, тяжелый. Как будто что-то упало. Что-то большое.

Серафим замер. Он прислушался. Тишина. Только лампада, наверное, потрескивает.

«Показалось», — подумал он и дернул ручку окна.

И тут раздался крик. Нет, не крик. Вздох. Полный ужаса и изумления. Голос матери.

— Серафим! — позвала она. Голос был дрожащий, стран-

ный.

Серафим вздохнул. Ну что там еще? Опять свечку уронила? Или лампадка разбилась?

Он нехотя вышел из комнаты и пошел по коридору. Дверь в молельню была приоткрыта. Оттуда лился тусклый свет и... странное сияние? Нет, показалось.

Он толкнул дверь и заглянул внутрь.

Мать стояла на коленях, но не молилась. Она смотрела вниз, на пол. Её руки были прижаты ко рту. Она дрожала всем телом.

— Мам? — позвал Серафим. — Ты чего?

Он проследил за её взглядом.

На полу, прямо перед иконами, лежала книга.

Это не была Библия или молитвослов. Это была старая, толстая книга в кожаном переплете, которая упала прямо с полки, где стояли священные тексты. Она упала так, что раскрылась на середине.

В комнате стало холодно. Серафим почувствовал, как сквозняк прошёлся по ногам. Но окна были закрыты.

Книга лежала на полу и... светилась. Слабым, пульсирующим светом. От неё исходило ощущение древности и чего-то неправильного. Чужого.

Серафим сделал шаг вперед.

На раскрытой странице был текст. Он был написан не по-русски. И не по-славянски. Странные символы, похожие на смесь готического шрифта и каких-то рун, извивались по пергаменту.

Но он понял. Он понял смысл, даже не читая.

«Путь в Рай лежит через Кровь».

Серафим перевел взгляд на мать. Она смотрела на него. В её глазах был не страх. Был ужас. Был вопрос.

— Что это? — прошептал мальчик.

Мать открыла рот, чтобы ответить, но вместо слов из горла вырвался только хрип.

Книга на полу вспыхнула ярче.

Серафим почувствовал, как что-то меняется в комнате. Воздух стал тяжелым, как вода. Иконы на стенах, казалось, отвернулись. А книга... Книга манила. Она звала его.

Он сделал еще шаг.

«Ты — избранный», — прошептал голос в его голове. Голос не был похож на голос матери или отца Макария. Он был древним. И он был голоден.

Серафим протянул руку.

Глава 2. Путь начинается с друзей

Серафим не помнил, как опустился на колени рядом с матерью. Не помнил, как протянул руку к книге. Он вообще перестал понимать, где находится. Комната с иконами, лампада, запах ладана — всё это исчезло, растворилось в вязкой, пульсирующей темноте, которая выползла из раскрытых страниц. Осталась только книга. Только странные буквы, которые он не знал, но почему-то читал. Они не были русскими. Не были церковнославянскими. Они вообще не были человеческими. И всё же каждая чёрточка, каждый завиток, каждый острый угол впивались в мозг, как игла, оставляя

там смысл. Страшный, сладкий, запретный смысл.

«Путь в Рай начинается с друзей».

Серафим моргнул. Строчка вспыхнула и погасла. На её месте проступили новые слова:

«Иди к реке. Там ждут те, кто откроет тебе глаза. Не бойся. Они — твои друзья. Настоящие. Не те, кто смеётся за спиной. Не те, кто оставляет тебя одного на крыльце. Иди».

— Серафим, — прошептала мать. Её голос дрожал, как свеча на ветру. — Сынок, отойди. Не читай. Это не наше. Это... это нечистое.

Он не обернулся. Он слышал её, но слова матери казались далёкими, будто она говорила из-под воды. Гораздо громче звучал другой голос. Он не был мужским или женским. Он был никаким. И в то же время он был всем сразу: шёпотом ветра в форточке, треском лампы, скрипом половиц, стуком собственного сердца.

«Встань. Оденься. Выходи. Время пришло».

Серафим поднялся. Медленно, как во сне. Ноги слушались плохо. В голове шумело. Он посмотрел на мать. Она

стояла на коленях, прижимая к груди молитвослов, и смотрела на него так, словно видела впервые. В её глазах был не просто страх. Там была мольба. И ещё что-то. Что-то похожее на узнавание. Будто она давно ждала этого момента и надеялась, что он никогда не наступит.

— Ты никуда не пойдёшь, — сказала она, и голос её окреп. — Я запрещаю. Слышишь? Я твоя мать. Я не пущу тебя.

Серафим усмехнулся. Усмешка вышла кривой, чужой. Он сам не понял, откуда она взялась.

— Ты опоздала, мам, — сказал он тихо. — Ты всегда опаздывала. Всегда молилась, когда надо было просто поговорить. Всегда ставила свечи, когда надо было просто обнять. А теперь... теперь уже поздно.

Он развернулся и вышел из молельни. В коридоре было темно. Только из его комнаты пробивалась полоска света от монитора. Компьютер всё ещё гудел, игра ждала продолжения. Но Серафим даже не взглянул на него. Он схватил с вешалки куртку, натянул кроссовки, не зашнуровывая. Пальцы дрожали. Не от холода. От возбуждения. От странного, почти животного предвкушения.

— Серафим! — крикнула мать из комнаты. — Серафим,

стой! Умоляю тебя! Не выходи из дома! Слышишь?! Не выходи!

Он дёрнул входную дверь. Замок щёлкнул. В подъезде пахло сыростью и чужой жизнью. Он шагнул на лестничную площадку и захлопнул дверь. Крик матери оборвался. Наступила тишина. Только где-то этажом выше капала вода из протекающей трубы. Кап. Кап. Кап. Как кровь из вены.

Серафим сбежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Выскочил на улицу. Ночной воздух ударил в лицо, холодный и мокрый. Москва тонула в тумане. Фонари расплывались жёлтыми пятнами. Дорога блестела от недавнего дождя. Мимо проехала машина, обдав его грязной водой из лужи. Он даже не выругался. Ему было всё равно. Он шёл. Шёл к реке.

Он не знал, сколько времени прошло. Может, десять минут. Может, час. Город жил своей ночной жизнью: где-то играла музыка, кто-то смеялся, кто-то ругался. Серафим шёл мимо панельных девятиэтажек, мимо гаражей, мимо пустыря, заваленного строительным мусором. Внутри него боролись два голоса. Один — голос матери, тихий, заплаканный, умоляющий вернуться. Другой — голос книги, глубокий, уверенный, обещающий. Обещающий что-то, чего у него никогда не было. Друзей. Настоящих друзей. Тех, кто не бро-

сит. Тех, кто поймёт.

«Вася и Кирилл? — думал он. — Какие они друзья? Они просто терпят меня. Им со мной скучно. Они смеются над моим именем, когда думают, что я не слышу. Они зовут меня с собой только потому, что жалко. А эти... Петя и Андрей... Они другие. Я ещё не видел их, но я знаю. Они другие».

Он сам не заметил, как оказался на набережной. Река чернела внизу, похожая на гигантскую змею, свернувшуюся кольцами в бетонных берегах. Лёд ещё не встал окончательно, но у берега уже хрустела тонкая корка. Вода пахла тиной и чем-то ещё. Чем-то железным. Кровью? Нет. Показалось.

Серафим остановился. Огляделся. Никого. Только далёкие огни моста, только редкие машины на противоположном берегу. И тишина. Такая, что слышно, как стучит собственное сердце.

— Эй, Серафим! — раздался голос справа.

Он вздрогнул и обернулся.

Из темноты вышли двое. Высокие, широкоплечие, в чёрных куртках с капюшонами, надвинутыми на глаза. Они двигались легко, пружинисто, как хищники. Когда они подошли

ближе, Серафим разглядел их лица. Обычные. Даже приятные. Один — с коротким ёжиком и лёгкой щетиной, второй — с длинными волосами, собранными в хвост. У обоих — насмешливые, уверенные улыбки. От них пахло дорогим табаком, кожей и чем-то неуловимо сладким. Как от старых конфет.

— Ты Серафим, — сказал первый. Не спросил, а утвердил. — Я Петя. Это Андрей. Мы знаем, зачем ты пришёл.

Серафим сглотнул. Во рту пересохло.

— Я... я не знаю, — признался он. — Книга сказала...

— Книга не врёт, — перебил Андрей. Голос у него был низкий, с хрипотцой. — Книга — это единственное, что никогда не врёт. В отличие от людей. В отличие от твоей матери. В отличие от твоих так называемых друзей.

— Вася и Кирилл? — зачем-то спросил Серафим.

Петя рассмеялся. Смех был звонкий, но какой-то неправильный. Слишком звонкий для ночи. Слишком чистый для этого места.

— Эти лохи? — фыркнул он. — Ты серьёзно? Они же те-

бя за человека не считают. Ты для них — странный мальчик с церковным именем. Они зовут тебя с собой только чтобы потом поржать. Мы видели. Мы всё видели. Как они шептались за твоей спиной. Как они передразнивали твою мать. Как они мечтали попасть в «Феникс», но их не пускают. А тебя пустят.

— В «Феникс»? — Серафим нахмурился. — Это тот игровой клуб на Ленинградке? Тот, куда только по клубным картам?

— Именно, — Андрей подошёл ближе, положил руку ему на плечо. Рука была тяжёлой. Очень тяжёлой. — У нас есть карта. Две карты. И мы приглашаем тебя. Сегодня. Сейчас. Там сегодня турнир. Настоящий. Не то, что у тебя дома на компе. Там всё по-взрослому. Кровь, адреналин, победа. Ты же хочешь победить? Хочешь, чтобы тебя уважали?

Серафим хотел. О, как он хотел. Он хотел этого всю свою жизнь. Чтобы его уважали. Чтобы не смеялись над именем. Чтобы не жалели. Чтобы он был не «странным Серафимом», а просто — своим. Крутым. Сильным. Победителем.

— А... а Вася с Кириллом? — спросил он, сам не понимая, зачем цепляется за них. — Они тоже хотели...

— Они хотели, — согласился Петя. — Но они слабаки. Они не готовы. А ты готов. Ты особенный. Книга не ошибается. Ты — огненный ангел. Помнишь? Ты сам это знаешь. Просто боялся признаться.

Серафим опустил глаза. Внутри что-то дрогнуло. Что-то тёмное, голодное, что спало в нём долгие годы. Оно проснулось. И оно хотело.

— Я пойду, — сказал он. — Только... мать. Она будет волноваться.

— Мать, — Андрей скривился. — Мать молится. Пусть молится. Ей это не поможет. Никто не поможет. Кроме нас. Пойдём.

Они развернулись и пошли вдоль набережной. Серафим, помедлив секунду, двинулся за ними. Он не оглянулся. Если бы он оглянулся, то увидел бы, как на противоположном берегу, у самой кромки воды, стоит женщина в чёрном платке и смотрит ему вслед. Но он не оглянулся.

Они шли долго. Петя и Андрей болтали без умолку. Шутили, смеялись, рассказывали истории о крутых турнирах, о деньгах, о девчонках. Серафим слушал и постепенно расслаблялся. Впервые за долгое время он чувствовал себя...

нужным. Принятым. Они не смеялись над его именем. Они называли его «Серафим» с уважением. Как будто это было не клеймо, а титул. Как будто он был не мальчиком из церковной семьи, а воином. Огненным ангелом.

— А откуда вы меня знаете? — спросил он, когда они свернули в тёмный переулок.

— Книга сказала, — просто ответил Петя. — Мы тоже читали её. Давно. Мы тоже были... как ты. Запутавшиеся. Одинокие. Злые. А потом нашли путь.

— Какой путь?

— Путь в Рай, — улыбнулся Андрей. — Ты думаешь, это метафора? Нет. Это реальность. Но чтобы попасть туда, нужно пройти через... скажем так, через чистилище. Через боль. Через кровь. Через отказ от всего, что тебя держит. От матери. От друзей. От страха. И тогда ты становишься свободным.

Серафим кивнул. Он не всё понимал, но слова звучали правильно. Как заклинание. Как обещание.

Переулок вывел их на ярко освещённую улицу. Среди серых зданий, среди мокрого асфальта, светилась неоновая вы-

веска: «Феникс». Игровой клуб. Двери были стеклянные, за ними клубился дым, слышались басы, чей-то смех, звон монет. У входа стоял охранник — огромный, лысый, с бородой. Он посмотрел на Петю и Андрея, кивнул, даже не взглянув на Серафима.

— Проходите, — прогудел он. — Ваши уже внутри.

«Наши», — подумал Серафим. У него внутри что-то ёкнуло. Приятно. Он — свой.

Они вошли. Внутри было темно и шумно. Мигали экраны, гудели компьютеры, пахло пиццей, энергетиками и потом. За столами сидели подростки и молодые парни, все в наушниках, все уставились в мониторы. Кто-то громко матерился, кто-то смеялся. Обычный игровой клуб. Но Серафиму показалось, что здесь что-то не так. Слишком резкие тени. Слишком яркие вспышки. И лица. Лица некоторых игроков были... странными. Слишком бледными. Слишком голодными. Как будто они не играли, а охотились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.